

шляпу ево... с корабля бросили. Королева же, видя сие... нещастие, паде обмерла от великой ужести. И тогда адмирал вынев из ножен свою шпагу и с пристрастием рече: «Ежели станешь плакать, сей час главу твою отсеку», и приведе ея к присяге, что отцу ея и матере о том своем нещастии не сказывать, а сказала бы, яко с Цесарии боем взяла, и она, страху ради, дала присягу».¹

В сказке „Освобождение царской дочери“: „На карась зашли, капитан и все удивилися, что мог он разыскать царскую дочь. А капитан планты сплантовал, што он в шибком месте будто потонул, а царевну, мол, я сыскал. «Как ты меня не скажешь, что я сыскал тебя, утоплю в море». Царевна решила на это сказать, а сердцем ей жаль ево, этово трапорщика».²

В сказке „Не-мал человек“: „Капитан когда пошел, то сказал этой красавици: «Если ты не скажешь, што я тебя спас, то мы тебя в воду бросим». Она сказала: «Хорошо»».³

Как ни значительна в приведенных примерах разница самого изложения „Гистории“ и сказок, совершенно очевидно, что автору „Гистории“ хорошо знакомо было типично сказочное движение действия: запрещение открывать одну из комнат, нарушение героем запрета, скрывание в „заповедном чулане“ героини, похищение царевны обманом на корабле, угроза обманщика и т. д.

Однако сходство „Гистории“ со сказкой не ограничивается воспроизведением этой сказочной схемы. Самая трактовка образа матроса Василия во второй части „Гистории“ напоминает сказочные характеристики смелых и находчивых героев. „Острый“, удачливый „российский матрос“ в опасной обстановке не прочь схитрить: он внушает разбойникам, будто оружие его заговором сделалось неуязвимым, выдает сам себя за разбойника. Но Василий смел и благороден, не подозревает козней врагов. Василий в конце „Гистории“ вознагражден за свою честность и бескорыстие — он женится на королевне и наследует царство, подобно тому как в сказке простой человек (солдат) женится на царской дочери и становится царем. Это не „бесцеремонная выдумка“, как полагал А. Н. Пыпин, а восстановление законной справедливости, типичное для русской сказки.

Предположить обратное влияние „Гистории о российском матросе Василии Кириацком“ на русскую народную сказку трудно. Сближающиеся с „Гисторией“ сказки записаны в географически разбросанных точках, и в Сибири (М. К. Азадовский), и в Самаре (Л. П. Садовников), и в Перми (Д. К. Зеленин), и в Псковской области (И. Д. Богатырев), и на Севере (М. М. Коргуев).

При переработке „Гистории“ в сказку естественно должно было что-либо сохраниться от первой части (несмотря на то, что она перестала интересовать читателя). Должна была бы упоминаться хотя бы профессия героя — матрос — или пребывание его во флоте. Так начисто отпасть первая часть не могла. Поэтому более убедительным представляется вывод о фольклорной основе второй части „Гистории о российском матросе Василии Кириацком“.

„Российский матрос“ Василий несомненно гораздо ближе к незнанным героям русских сказок, совершающим подвиги и получающим за

¹ Л. Н. Майков, ук. соч., стр. 17—18.

² М. К. Азадовский, ук. соч., стр. 58—59.

³ Сказки Карельского Беломорья, т. I, кн. II, стр. 256.